

Проницательные умы на базе начали замечать неладное.

Инь Минчжэн, прежде сосредоточенный исключительно на войне с инсектоидами, всё чаще и активнее начал проявлять интерес к гражданскому управлению. И, что самое неприятное для его оппонентов, никто не мог найти законного повода его остановить. Как генерал-полковник, он по праву считался одним из самых высокопоставленных лиц базы. Его полномочий было более чем достаточно, чтобы войти в любой совет и вмешаться в любой проект — стоило лишь изъявить желание.

Раньше он просто не желал тратить время на административную рутину, предпочитая молча делать своё дело на передовой. Но теперь Герой человечества, никогда прежде не искавший славы или политического веса, начал планомерно забирать бразды правления в свои руки.

Верхушка базы затрещала по швам.

Люди честные и благородные искренне приветствовали перемены, видя в генерале своего единомышленника. Те же, чьи руки были запятнаны постыдными делами, впали в тихую панику. Страх породил подлость, и по коридорам базы поползли ядовитые слухи.

Инь Минчжэна обвиняли во всём: в злоупотреблении властью, в пренебрежении жизнями простых людей, в тайной тяге к роскоши и излишествам. Сначала эти сплетни шептались по углам, и большинство им не верило — каждый знал, что без него их кости давно бы белели в пустошах.

Однако нашлись и те, чья жизнь превратилась в бесконечный серый кошмар без надежды на завтра. Потерявшие близких, живущие впроголодь и лишившиеся смысла существования, они отчаянно нуждались в ком-то, на кого можно было бы излить свою ярость и боль.

И кукловоды, стоящие за кулисами, без зазрения совести указали им на Инь Минчжэна.

Год назад в Городе А развернулось кровопролитное сражение. Около полумиллиона инсектоидов захватили мегаполис, превратив его в братскую могилу. Генерал Инь повёл войска на штурм, вырезав всех тварей до единой, чтобы окропить их мерзкой кровью землю в память о павших.

Но теперь заговорщики переписали историю.

Шепотки твердили, что в тот день в городе ещё оставались живые люди. Якобы инсектоиды удерживали их как живой щит, а Инь Минчжэн, одержимый жаждой наград и стремительной победы, проигнорировал жизни заложников и приказал открыть шквальный огонь. Слух был насквозь фальшивым, но для тех, кто потерял в той бойне родных, он стал единственным

«объяснением» их трагедии.

В тот день небо затянуло тяжёлыми тучами, и пошёл холодный дождь. На базу поступили сведения, что рой инсектоидов прочёсывает приграничные территории, где в полуразрушенных постройках ещё ютились немногочисленные фермеры. Эти люди не переселялись в убежища, потому что кормились от земли: днём они прятались в погребах, а по ночам выходили на поля.

Твари, словно обезумев, выискивали любую живую душу. Инь Минчжэн получил сигнал о помощи в четыре утра и немедленно выступил. Он вернулся лишь к одиннадцати вечера — измождённый и с головы до ног покрытый липкой кровью врагов.

Ши Цин, который весь день провёл за видеоиграми с Лэ Ююанем, загодя приготовился к встрече. Захватив с собой маленькую скамеечку, он прилежно устроился у главных ворот базы, дожидаясь возвращения командующего. Стражники на КПП уже привыкли к нему; один из них даже угостил юношу леденцом на палочке — редким трофеем, найденным во время вылазки.

Сейчас всё производство было брошено на нужды фронта: зерно, одежда, медикаменты. Такие бесполезные сладости больше не выпускали. Да и покупать их никто бы не стал — в нынешние времена люди предпочитали тратить скудные средства на что-то более сытное.

Видя, как Ши Цин, изнывая от усталости, клюёт носом, словно цыпленок, но упрямо отказывается уходить, стражники лишь добродушно посмеивались. Чтобы хоть как-то подбодрить «маленького господина», караульные и отдали ему находку.

Юноша поблагодарил их, развернул пёструю обёртку и осторожно лизнул конфету. Она оказалась приторно-сладкой. Он довольно зажмурился и сунул леденец за щеку. Ему не стоило злоупотреблять человеческой пищей, но одна конфета не могла навредить его организму.

Пока он со скучающим видом считал муравьев у своих ног, Система напомнила ему:

«Хозяин, Инь Минчжэн вернулся»

Маленький принц вскинул голову, и его глаза радостно заблестели, устремившись к массивным створкам ворот.

Отряд Инь Минчжэна медленно входил на территорию базы. Генерал выглядел пугающе: его броня была залита разноцветной сукровицей инсектоидов, а в обычно непроницаемом взгляде читалась глубокая, свинцовая усталость. Следом за ним плелись изнурённые бойцы. Те, кто помоложе, буквально засыпали на ходу, пошатываясь от недосыпа. Чэн Цзюнь, знакомый Ши Цину симпатичный парень в кепке, непрерывно зевал и то и дело приваливался плечом к товарищу.

Юноша вскочил со скамейки и со всех ног бросился к мужчине. Но не успел он добежать, как из тени выметнулся другой силуэт.

Раздался резкий металлический звон.

Никто толком не успел среагировать, как нападавший отлетел в сторону, отброшенный энергетическим щитом одного из бойцов. Кинжал выпал из его рук и с сухим стуком ударился о камень.

Ши Цин замер на месте.

«Покушение? Обычный человек пытается напасть на обладателя иных способностей?»

«Сюжет изменился настолько, что я вижу лишь общие контуры. Такие мелочи мне больше не подвластны» — отозвалась Система.

Нападавший, с трудом поднявшись на ноги, вновь схватил оружие. Его глаза пылали безумной ненавистью, направленной на Героя человечества. Он снова рванулся вперёд:

— Инь Минчжэн, сдохни, мразь!

Задремавший было Чэн Цзюнь мгновенно пришёл в себя. Сделав шаг вперёд, он воздвиг перед безумцем невидимую преграду.

— Ты ещё кто такой?! Ты хоть понимаешь, что такое покушение на офицера?! Скрутить его!

Когда мужчину придавили к земле, Чэн Цзюнь обернулся к командиру:

— Босс, думаю, он из той же своры, что клеветала на Ши Цина. Тот тип подох, не успев заговорить, но этого мы допросим с пристрастием. Выбьем имя заказчика.

Генерал нахмурился, вглядываясь в лицо бьющегося в путах человека. В его взгляде не было злобы — лишь тяжёлое раздумье.

— Он не похож на наёмника. Скорее, обычный гражданский.

— Сейчас выясним, — огрызнулся Чэн Цзюнь и шагнул к пленнику: — Говори! Зачем ты пытался убить генерала?!

Мужчина, которого с силой вжимали в грязь, отчаянно извивался. Услышав вопрос, он взвыл, и в его голосе послышался хрип сорванных связок:

— Потому что он убил моего сына! Год назад, в Городе А! Если бы этот ублюдок не отдал приказ стрелять по заложникам ради своих грёбанных орденов, мой мальчик был бы жив!

Он захлёбывался криком, глядя на Инь Минчжэна снизу вверх:

— Тебе наплевать на нас! Ты готов шагать по трупам простых людей ради власти! Тебе всё вернётся, слышишь?! Если не я, то другие тебя прикончат! Тоже мне, Герой человечества! Тьфу на тебя!

Генерал заговорил. Его голос был сиплым от долгой тишины и усталости:

— В битве за Город А... к нашему прибытию там уже не осталось живых.

— Лжец! — выплюнул мужчина. — Ты просто чудовище, готовое убивать ради собственной выгоды! Верни мне сына, Инь Минчжэн! Слышишь?! Верни мне моего мальчика!

Ши Цину хватило одного взгляда на это исступление, чтобы понять: человеку качественно промыли мозги. Когда кто-то теряет всё и погружается в пучину отчаяния, ему достаточно указать цель — и он будет ненавидеть её с фанатичным рвением, не требуя доказательств.

Будь на месте командующего Ши Цин, он бы и глазом не моргнул. Ему было бы плевать на этого человека. Разве тот факт, что он потерял сына, даёт ему право на убийство?

Все эти годы Инь Минчжэн сражался за базу, получал ранения, десятки раз чудом избегал смерти, спас миллионы жизней... И при всех своих заслугах он продолжал жить в скромной двухкомнатной квартире, где даже для игрушек Ши Цина приходилось освобождать место в гостиной.

Он помогал им, а они платили ему ненавистью. Будь Ши Цин чуть менее благодушен, он бы нашёл способ заставить этого безумца пожалеть о каждом слове.

Но юноша заметил, что генерал стоит неподвижно. Его лицо застыло каменной маской, и лишь кулаки, сжатые до белизны, выдавали внутреннюю бурю.

Под завесой нахмуренных бровей скрывались тёмные, полные невыразимой горечи глаза. Окружающим могло показаться, что командиру просто наплевать на эти вопли, но Ши Цин видел истину: ему было больно.

Обычно он не проявлял такой уязвимости. Но сейчас, после двадцати часов непрерывного боя, без капли воды и крохи еды, когда он вернулся, едва волоча ноги от усталости, единственным, что встретило его дома, был нож в руках того, кого он защищал.

Такое не выдержит никто.

К тому же, каким бы суровым ни казался мужчина, в глубине души он оставался самым мягкосердечным существом в этом мире. Ведь изначально, до того как этот Малый мир обрёл независимость, автор создал его как «доброто святошу». Жаль только, что мир зажил своей жизнью, и у статистов, которые должны были быть столь же благородными, проснулась их собственная человеческая природа.

А человеческая природа — это тьма, эгоизм и вечный поиск виноватых.

Ши Цин смотрел на него, чей силуэт, казалось, сливался с ночной мглой, и тихий вздох сорвался с его губ:

«Будь я на его месте...»

Система, которая обычно недолюбливала Инь Минчжэна, на сей раз прониклась сочувствием. Её голос прозвучал необычайно мягко:

«Хозяин, не бойся. Если с тобой когда-нибудь случится подобное, мы просто проигнорируем их»

«Зачем игнорировать? Он говорит, что я убил его сына? Что ж, я просто отправлю его к сыночку на свидание. Пусть лично у него спросит, кто на самом деле оборвал его жизнь»

Система промолчала мгновение, прежде чем робко добавить:

«...Это, наверное, не совсем правильно. Человек ослеплён горем, его можно понять...»

«Чушь. Я что ему, папочка, чтобы понимать его, когда он лезет ко мне с ножом? Разве Инь Минчжэн им что-то должен? Этот неудачник жив только благодаря генералу. А теперь, услышав сказочку без единого доказательства, он пришёл убивать. Он и сам понимает, что просто вымещает злобу. Сын погиб, а на самоубийство духа не хватает, вот и нашёл повод обвинить другого. Только такой дурак, как Инь Минчжэн, может считать этих людей своей ответственностью и стоять здесь с разбитым сердцем вместо того, чтобы дать сдачи»

Ши Цин холодно усмехнулся:

«Теперь я понимаю, почему этот мир начал рушиться. Идеальный герой с его "добротом и светом" не может выстоять в реальности, полной грязи и пороков. Он обречён на крах. Вспомни, как я запер его на корабле. Я похитил его, а он так и не смог поднять на меня руку. Слишком мягкосердечный. Безнадёжно благородный. Любой другой на его месте прикончил бы меня сотню раз»

«Не ожидала, что ты так невысоко его ценишь. Я думала, он тебе нравится»

«Он мне очень нравится»

На лице Ши Цина расцвела лучезарная, полная детской чистоты улыбка, и маленький принц кинулся в объятия застывшего в темноте мужчины.

«Чем он глупее, тем кажется мне милее. Его мягкость — это его очарование. Впрочем... пусть он будет глупым только со мной. Этого достаточно»

Ши Цин зарылся лицом в китель генерала, сладко улыбаясь. Он почувствовал, как тело мужчины на миг стало ещё более напряжённым от неожиданности, но затем медленно расслабилось. Усталые руки Инь Минчжэна бережно и крепко обняли юношу.

В эту секунду Инь Минчжэн походил на птицу, долго кружившую над бушующим океаном в поисках земли и наконец нашедшую свой тихий остров.

Он глубоко, с облегчением выдохнул.

Генерал мог железной рукой диктовать свою волю базе. Он мог в одиночку противостоять бесчисленным ордам. Но против подлой клеветы и интриг он был бессилен. Точно так же, как когда-то он вернулся на базу, зная, что его предали и принесли в жертву, но не смог найти слов, чтобы обвинить виновных. Или как сейчас — когда он не смог поднять руку на ослеплённого ложью человека, которого поклялся защищать.

Тонкие пальцы Ши Цина накрыли ладонь генерала.

Юноша потянул за собой послушного мужчину, подводя его к пленнику.

Он задал лишь один вопрос:

— Ты кричишь, что Инь Минчжэну наплевать на людей? Тогда ответь: когда миллион жизней на корабле оказались под угрозой, почему он добровольно пошёл на смерть?

Разъярённый мужчина внезапно осекся.

Увидев его замешательство, Ши Цин продолжил:

— Если бы он был таким, каким ты его малюешь, он бы просто сбежал. С его силой и положением он мог бы плевать на всех нас с высокой колокольни. Но он пошёл туда. Все знают, как жестоки пришельцы. Он шёл на съедение монстрам ради вас. Он рисковал душой и

телом, а вы теперь поливаете его грязью за его спиной? У вас вообще есть совесть?!

Нападавший захлебнулся рыданиями. Он вцепился в свои волосы, качаясь из стороны в сторону, и наконец сорвался на отчаянный плач:

— Простите! О боже, простите меня!..

Ши Цин удовлетворенно вскинул подбородок.

За его спиной Инь Минчжэн действительно чувствовал, как горечь и опустошение, терзавшие его душу, бесследно исчезают. С нежностью и едва скрываемой иронией он наблюдал за этим гордым маленьким господином, который только что рассуждал о «жестоких пришельцах-людоедах»... Что ж, технически тот не солгал.

Уголки губ мужчины невольно дрогнули в улыбке. Он смотрел на Ши Цина взглядом, полным тепла и бесконечного обожания.

Ши Цин действительно съел его. Съел его сердце.

[Степень отторжения Инь Минчжэна: 0/100]

<http://bllate.org/book/15834/1433356>